

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-44-49

EDN: UNFLOT

Символическая образность в лирике Дениса Новикова

Алексей Сергеевич Бокарев

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
asbokarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Аннотация. Статья обращена к рассмотрению функционирования символической образности в лирике Дениса Новикова (1967–2004). С точки зрения исторической поэтики в производном от одночленного параллелизма символе, к использованию которого прибегает автор, представление о синкретизме реальности, присущее архаическому сознанию, отчетливо проблематизировано. Согласно О. Р. Темиршиной, основанная на символе модель мира тернарна: разрешению организующих ее антиномий служит элемент, выполняющий медиальную функцию, – и зачастую ее берет на себя лирический субъект. На значимость символической образности в творчестве Д. Новикова указывают уже заглавия его прижизненных книг, трактуемые иносказательно: «Условные знаки», свидетельствующее о контакте с богом; «Окно в январе», утверждающее эквивалентность героя Христу (в том числе благодаря «рождественским» стихотворениям); «Караоке», выражающее девальвацию слова, утратившего статус откровения; наконец, «Самопал», акцентирующее жертвенность «самоожжения» пишущего. Семантикой заглавий акцентируется и ключевая роль субъекта в формировании символической модели мира: мысля себя богоизбранным, он стремится соединить временное и вечное, бытие и инобытие, видя в обретенном единстве конечную цель творчества. Художественный акт, следовательно, окрашивается в жертвенные тона, а сюжетообразующим мотивом оказывается движение вверх (антиномичность бытия реализована в системе пространственных оппозиций), иногда отождествляемое с восхождением на Голгофу, – но и без учета евангельских коннотаций безусловно гибельное. Таким образом, символ в качестве деривата параллелизма не столько утверждает, сколько ставит под сомнение возможность мировой целостности, обретение которой достигается посредством усилия или жертвы – однако и на таких условиях отнюдь не гарантировано.

Ключевые слова: Д. Новиков; историческая поэтика; модель мира; психологический параллелизм; символ; художественное пространство; мотив

Для цитирования: Бокарев А. С. Символическая образность в лирике Дениса Новикова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 44–49. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-44-49>.
<https://elibrary.ru/UNFLOT>

Original article

Symbolic imagery in the poetry by Denis Novikov

Aleksei S. Bokarev

Candidate of philological sciences, associate professor, russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
asbokarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Abstract. The article deals with the functioning of symbolic imagery in the poetry by Denis Novikov (1967–2004). From the point of view of historical poetics, the notion of the syncretism of reality inherent in archaic consciousness is clearly problematized in the symbol derived from the one-member parallelism, used by the author. According to O. R. Temirshina, the symbol-based model of the world is ternary: an element performing a medial function serves to resolve the antinomies that organize it – and this function is often assumed by the lyrical subject. The importance of symbolic imagery in D. Novikov's work is indicated by the titles of his books, which are interpreted allegorically: «Conventional Symbols», indicating the contact with God; «A Window in January», affirming the hero's equivalence to Christ (also thanks to the «Christmas» poems); «Karaoke», expressing the devaluation of a word that has lost the status of revelation; finally, «Self-made», accentuating the sacrifice of the writer's «self-immolation». The semantics of the titles

also accentuates the key role of the subject in forming a symbolic model of the world: thinking himself chosen by God, he seeks to unite temporal and eternal, being and otherness, seeing in this unity the ultimate goal of creativity. Therefore, the artistic act is colored by the tones of sacrifice, and the underlying motif is an upward movement (the antinomy of existence is realized in the system of spatial oppositions), sometimes identified with the ascent to Calvary, but unconditionally destructive even without evangelical connotations. Thus, the symbol as a derivative of parallelism does not assert but rather questions the possibility of the world integrity, which is achieved through effort or sacrifice – but is by no means guaranteed even on such terms.

Key words: D. Novikov; historical poetics; world model; psychological parallelism; symbol; artistic space; motif

For citation: Bokarev A. S. Symbolic imagery in the poetry by Denis Novikov. *Verhnevolszski philological bulletin*. 2022;(3):44–49. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-44-49>. <https://elibrary.ru/UNFLOT>

Символ в освещении исторической поэтики

Согласно основоположнику исторической поэтики А. Н. Веселовскому, развитие эстетического сознания, преодолевающего синкретизм в стремлении ясно различать предметы, ознаменовано рождением отрицательного параллелизма. Сближая действия и явления, он не ограничивается их тождеством, а «подчеркивает одну из... возможностей: не дерево хилится, а печалится молодец» [Веселовский, 2008, с. 188; см. также: Бройтман, 2008а, с. 158]. Современная же образность не только не вытесняет архаическую, но и восходит к ней: так, родственный одночленному параллелизму символ в своем генезисе не является тропом, сохраняя присущую его архаическому субстрату «„бытийность” и буквальность значения» [Бройтман, 2004, с. 148; см. также: Бройтман, 2008b]. С позиций исторической поэтики он рассматривается как тип образа, реализующий, в отличие от любого иносказания, «прямой предметный смысл, разворачивающийся в бесконечный спектр значений». Будучи «не отвлеченной идеей, а порождающей моделью всех выводимых из него конкретностей», символ способен воплощать нерасчленимое единство мира, синкретическое в своей сути [Бройтман, 2008с, с. 226]. Впрочем, идея тождества, не самоочевидная и в параллелизме, здесь еще более проблематизирована [Бройтман, 2008а, с. 158]: представление о бытии как о «единораздельной целостности», оформившееся у символистов, подразумевает, с одной стороны, бинарность структуры, а с другой – ее диалектическое преодоление. Отсюда организующая ценностную шкалу (и соотнесенные с ней пространственно-временные параметры) оппозиция *актуальное – потенциальное*, члены которой не столько противопоставлены, сколько непрерывно переходят друг в друга. Сюжетным аналогом подобного перехода оказывается путь героя, призванного вернуть мирозданию исходную целостность (как в лирике А. Блока); невозможностью же снять оппозиции (что тоже не редкость) инспирированы мотивы смыслового распада и эк-

зистенциального диссонанса. Иными словами, символическая модель мира тернарна: разрешению антиномий служит элемент, выполняющий медиальную функцию, – и зачастую ее берет на себя лирический субъект [Темиршина, 2012, с. 26–43]. В работах О. Р. Темиршиной обстоятельно проанализировано функционирование символа в стихотворениях современных поэтов К. Кедрова и И. Жданова, песнях Б. Гребенщикова и Д. Ревякина [Темиршина, 2009; Темиршина, Авилова, 2009; Темиршина, 2012; Темиршина, 2021]; мы же в настоящей статье обратимся к лирике Дениса Новикова, с подобных позиций не изученной.

Символ как орудие семантической медиации

Представление об авторе как о «рыцаре формы» [Фаликов, 2008], закрепленное в посвященных ему критико-эссеистических и научных источниках [Александров, 2000; Степанов, 2007; Кравцов, 2018; Семина, 2018], отчетливо сформулировано А. Э. Скворцовым: «Слог Новикова остроумен и эпиграмматичен <...>: строки отточенно афористичны, чему способствует и склонность к испытанным риторическим конструкциям, и ненавязчивая игра слов, и скупость точнейших метафор» [Скворцов, 2015, с. 426]. В приведенный перечень средств и приемов, разумеется, не претендующий на полноту, следовало бы добавить и символ – прежде всего в силу миромоделирующей функции этой категории. На значимость ее в творчестве поэта указывают уже заглавия его прижизненных книг, трактуемые как символические: «Условные знаки», свидетельствующее о контакте с богом; «Окно в январе», утверждающее эквивалентность героя Христу (в том числе благодаря «рождественским» стихотворениям); «Караоке», выражающее девальвацию слова, утратившего статус откровения; наконец, «Самопал», акцентирующее жертвенность «самосожжения» пишущего [Семина, 2018]. Семантикой заглавий акцентируется и ключевая роль субъекта в формировании символической модели мира: мысля себя богоизбранным, он стремится соединить

временное и вечное, бытие и инобытие, видя в обретенном единстве конечную цель творчества. Этот сюжет, последовательно реализованный Новиковым как в подготовленных при его участии сборниках, так и в стихах, опубликованных посмертно, как раз и будет предметом нашего рассмотрения.

Уже ранние произведения автора, собранные в книгах «Условные знаки» и «Окно в январе», «прошиты» мотивом утратившего цельность временного потока: и частная жизнь человека, и «большая» история обнаруживают трудно преодолимую дискретность. Например, в стихотворении «Чукоккала» амбивалентным символом его единства / распада выступает забытая повзрослевшей хозяйкой игрушка, чье экзотическое имя вынесено в заглавие: «Голое тело, бесполое, полое, грязное / В мусорный ящик не влезло – и брошено около. / Это соседи, отъезд своей дочери празднуя, / Выперли с площади куклу по кличке Чукоккала» [Новиков, 2007, с. 8]. Будучи взятой к супругу в Лианозово, она служила бы материальным воплощением связи между разнящимися этапами биографии ее владелицы – счастливого детства и замужества, но, «мерзнувшая» на лестничной клетке, сигнализирует о несовместимости прошлого и настоящего и прекращении семейных отношений (неслучайно расставание с дочерью дает родителям повод для праздника). Показательно, что мотив распада сопрягается у Новикова с перемещением в пространстве, модель которого спроецирована на временную ось: путь в будущее (к новому месту жительства) героиня совершает одна, поэтому кукла воспринимается как несостоявшийся медиатор, призванный устранять «разорванность» бытия. Корреляция пространственных и временных отношений в лирике поэта вообще довольно устойчива: если персональному существованию человека соответствует горизонтальная структура, то масштабные исторические события и выходящие за пределы эмпирического мира категории, как правило, нуждаются в вертикальной системе координат.

Так, в программных «Стансах ко времени № 2» протагонист намеренно уклоняется от «пожара эпохи», где «сгорают» его неосмотрительные товарищи: ведомый инстинктом самосохранения, он наблюдает за происходящим со стороны. Поиск универсальных истин (а именно их жаждут погибшие) – сродни работе шахтера, но из «забоя» суждено вернуться не каждому: по мере развертывания сюжета последний оборачивается могилой, а лопата, которой ее засыпают, прорастает «живыми побегими» (пепел и разложившаяся

плоть делают почву чрезвычайно плодотворной). Угадываемый в подтексте фразеологизм «докопаться до истины» обнаруживает тем самым свою нелицеприятную изнанку: единственным обретенным знанием оказываются очертания летейского пейзажа – но лишь на его фоне возможно примирение «героя труда и быта» и «патлатого битника» [Новиков, 2007, с. 25]. Согласно Новикову, условием контакта с историей (и просвещающей сквозь нее вечностью), может быть только смерть человека, понятая как буквальное нисхождение в ад (например, в проанализированном стихотворении) или движение в противоположном направлении – к небу (во многих последующих произведениях). Купленное такой ценой мировое единство удостоверяется в «Стансах...» символическим образом воробья, причастного и «верху» и «низу», – а крохи, которые он сыплет страждущим, трактуются как знак утешения [Новиков, 2007, с. 25].

Убежденность субъекта в том, что рука пишущего «ведома оттуда», не только позволяет ему расслышать «космос сквозь оболочку Земли» [Новиков, 2007, с. 36; курсив автора статьи], но и сообщает всему, что он делает, исключительную значимость (не отменяющую, впрочем, и сомнений в божественном происхождении «дара»). Отсюда – комплекс мотивов, «уравнивающих» творческий путь поэта с «крестным путем» Христа: перемещение по московским улицам в одном из стихотворений сначала семантизируется как «дорога жизни», соединяющая разные временные планы («Кто ты, предок? Сиятельный хам. / Кто потомок? Не слышно ответа» [Новиков, 2007, с. 27]), а затем – как восхождение на Голгофу («Не бульваром Страстным – так путем. / Нету разницы принципиальной» [Новиков, 2007, с. 27]). Предполагаемые евангельским сюжетом мученическая смерть и воскресение способствуют укрупнению фигуры протагониста, чьей жертвенностью обеспечивается непрерывность существования как такового («Наступаю в свой собственный след, / плоский след то потомка, то предка» [Новиков, 2007, с. 27]). Символическая роль медиатора культивируется лирическим субъектом и в зрелых текстах Новикова, причем чем дальше, тем последовательней на передний план выдвигается метапоэтическая проблематика.

Показательно, что в книге «Караоке» место протагониста в мироздании закреплено формулой «Не пес на цепи, но в цепи неразрывной звено» [Новиков, 2007, с. 70], акцентирующей его посредническую функцию. При этом орудием медиации неизменно выступает слово, в котором не

только исчезают любые крайности («...скажу на авось, / что-то между “прости меня” и “накажи”...») [Новиков, 2007, с. 67]), но и осуществляет их телеологическое «оправдание»: «Только слово, которого нет на земле, / и вот эту любовь, и вот ту, и меня, / и зачатых в любви, и живущих во зле / оправдает» [Новиков, 2007, с. 67]. Принципиальна как метафизическая природа этого слова, так и отсутствие его в границах земного пространства, в силу чего творчество понимается как трансцендирование, сверхзадача которого – приобщение «божественному глаголу», способному разрешить экзистенциальные противоречия. Сюжетной реализацией трансцендирования становится устремленность героя вверх, метафорически выраженная в образах «ковра-самолета» [Новиков, 2007, с. 110] или стихов, оставляющих «в небе прорехи» [Новиков, 2007, с. 66]. Вместе с тем ведущая поэта «рифма-богиня» запросто обращивается своей противоположностью – «потаскухой» и «ложью во спасение» (и такая «подмена» свидетельствует о присущей символу «онтологической асимметрии» [Темиршина, 2009, с. 32–35]).

Наиболее последовательно обрисованная сюжетика реализована в стихотворении, давшем название книге: «караоке», понимаемое в качестве «исполнения обывателем подлинника» [Козлов, 2017, с. 20], – одновременно и символ поэзии, и указание на ограниченность теургических возможностей творца, «озвучивающего» чужую «песню». Уже отмечалось, что картины из жизни «лондонского паба» с не попадающей в такт миссис Кокни разворачиваются в сознании субъекта и «синхронизируются» с творческим актом [Козлов, 2017, с. 20] (возникновение текста и стоящие перед ним задачи становятся у Новикова главным предметом высказывания). В первой строфе обращает на себя внимание вертикальная структура пространства: если с «низом» связываются представления о «тишине» и «смерти», то с «верхом» – о преодолевающей их «музыке», синонимичной поэзии: «Обступает меня тишина, / предпрятие смерти дочернее. / Мысль моя, тишиной внушена, / порывается в небо вечернее. / В небе отзвука ищет она / и находит. И пишет губерния» [Новиков, 2007, с. 117]. Выходу за пределы физического мира ради обретения «настоящих» слов должен предшествовать «выход из себя» – самопожертвование, поэтому автономиями героя становятся «Аполлон Есенин» и «Модест Саврасов», «окликающие» судьбы тех его предшественников, творческий метод которых, по точ-

ному выражению К. Кравцова, можно назвать «самосожжением» [Кравцов]. Очерченный культурный контекст открывает в заглавном понятии дополнительные смыслы: «караоке» – свидетельство не столько художественной ущербности, сколько того, что творцу во все времена доступна лишь одна «мелодия», поверх которой наносится индивидуальный смысловой «узор». «Мелодия» эта пусть временно, но гармонизирует мир – однако за возможность следовать ей приходится платить жизнью. Логично, что в последней строфе благодаря усилиям поэта негативные начала мира отступают, а его слову вторит уже не бездарное пение миссис Кокни, а совершенно иная, запредельная «музыка»: «Отступает ни с чем тишина / Паб закрылся. Кемарит губерния. / И становится в небе слышна / песня чистая и колыбельная. / Нам сулит воскресенье она, / и теперь уже без погребения» [Новиков, 2007, с. 118].

В свете сказанного принципиально, что и «Самопал», и «посмертные» стихи Новикова изобилуют символами саморазрушения через творчество. В «Черное небо стоит над Москвой...» поэт уподобляется «полуживой» фабрике, не только не требующей платы за труд, но и совмещающей функции «жреца» и «жертвенника». В результате стихописание позиционируется как священнодействие, а дым – побочный продукт горения – приравнивается к воскурению фимиама. Приближая и приветствуя тем самым новые «времена», герой становится причастным эпохе, которой прежде сторонился, – правда, встреча с мандельштамовским «веком-зверем» [Мандельштам, 2017, с. 159] по определению непродолжительна. Зато дым и поэтическое слово в финале произведения прямо отождествляются – но чтобы они достигли «ветхозаветных ноздрей» и «новозаветных ушей», поэту необходимо «заостриться острей / смерти» [Новиков, 2007, с. 177]. Сходный пример – «Поднимется безжалостная ртуть...», где повышение температуры в градуснике (отметим в очередной раз вертикальную организацию пространства) свидетельствует как о болезни, так и о напряжении творческих способностей человека, у автора взаимообусловленных. Разрушение же «стеклянного купола» под напором ртути может интерпретироваться и как прорыв в «иное», соединяющий разные сферы бытия, и как неизбежная смерть пишущего [Новиков, 2007, с. 220].

Миромоделирующее значение символа

Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что семантической основой символа в поэзии

Д. Новикова оказывается трудное обретение миром исходной целостности: будучи достижимой в потенции, она требует от поэта усилий, направленных на ее актуализацию. Воплощенная в системе пространственных оппозиций (прежде всего верха и низа), антиномичность бытия преодолевается в процессе медиации – при этом роль «связующего элемента» неизменно отводится лирическому субъекту. Подобным статусом мотивирована, во-первых, специфика его самопрезентации (в некоторых стихотворениях он уподоблен Христу), а во-вторых, представление о теургической силе слова (именно оно способно вернуть миру былую гармонию). Творческий акт, следовательно, окрашивается в жертвенные тона, поскольку обладание таким словом оплачивается смертью протагониста. Сюжетобразующим мотивом лирики закономерно становится движение вверх, иногда отождествляемое с восхождением на Голгофу, – но и без учета евангельских коннотаций безусловно гибельное. Таким образом, символ в качестве деривата параллелизма не столько утверждает, сколько ставит под сомнение возможность мировой целостности, обретение которой достигается посредством усилия или жертвы – однако и на таких условиях отнюдь не гарантировано.

Библиографический список

1. Александров В. За здоровье постмодернизма // Знамя. 2000. № 4. С. 221–223.
2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2. 368 с.
3. Бройтман С. Н. Параллелизм психологический // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной: Intrada, 2008а. С. 158.
4. Бройтман С. Н. Символ // Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008b. С. 207–214.
5. Бройтман С. Н. Символ // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной: Intrada, 2008. С. 226–227.
6. Веселовский А. И. Историческая поэтика / ред., вступит. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд. 3-е. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 648 с.
7. Козлов В. «Караул в головах» «районного скальда»: эволюция поэзии Дениса Новикова // Prosōdia. 2017. № 7. С. 9–21.
8. Кравцов К. Заостриться острее смерти // Новиков Д. Г. Река – облака. Москва: Воймега, 2018. С. 3–12.
9. Кравцов К. Заостриться острее смерти. Заметки о Денисе Новикове. Часть IV // Литература. URL:

<http://literatura.org/868-konstantin-kravcov-zaostritsya-ostrey-smerti-chast-iv.html> (дата обращения: 14.07.2022).

10. Мандельштам О. Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / сост. О. А. Лекманова, М. А. Амелина; предисл. О. А. Лекманова; коммент. и библиогр. О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. Москва: Рутения, 2017. 560 с., ил.
11. Новиков Д. Виза. Москва: Воймега, 2007. 256 с.
12. Семина А. А. Георгий Иванов и русские поэты второй половины XX века (С. Чудаков, И. Меламед, Д. Новиков, Б. Ръжкий): дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.01.01 «Русская литература». Москва, 2018. 257 с.
13. Семина А. А. Поэт на переломе эпох: семантика заглавий прижизненных книг Дениса Новикова // Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 112–115.
14. Скворцов А. Э. «...Непопулярный, но истинный дар». О поэзии Дениса Новикова // Скворцов А. Э. Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика. Москва: ОГИ, 2015. С. 426–435.
15. Степанов Е. Денис Новиков, «Виза». Москва: «Воймега», 2007 // Дети Ра. 2008. № 1 (39). URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=400> (дата обращения: 14.07.2022).
16. Темиршина О. Р. Символистские универсалии и поэтика символа в современной поэзии: Случай Б. Гребенщикова. Москва: Издательство МНЭПУ, 2009. 180 с.
17. Темиршина О. Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия: монография. Москва: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2012. 290 с.
18. Темиршина О. Р. Традиция символизма в современной поэзии: случай К. Кедрова // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы XI Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 29–30 октября 2021 г.) / отв. ред. Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. Москва – Пенза, 2021. С. 116–122.
19. Темиршина О. Р., Авилова Е. Р. Символистский код в поэзии Д. Ревякина: анаграмма как способ семантической организации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 1(2). С. 18–20.
20. Фаликов И. Граду, миру, кому-то еще // Знамя. 2008. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/2/fa17.html> (дата обращения: 14.07.2022).

Reference list

1. Aleksandrov V. Za zdorov'e postmodernizma = To the health of postmodernism // Znamja. 2000. № 4. S. 221–223.
2. Brojtman S. N. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics // Teorija literatury: Ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: V 2 t. / pod red. N. D. Та-

marchenko. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. T. 2. 368 s.

3. Brojtman S. N. Parallelizm psihologičeskij = Psychological parallelism // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij / pod red. N. D. Tamarchenko. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj : Intrada, 2008a. S. 158.

4. Brojtman S. N. Simvol = Symbol // Brojtman S. N. Pojetika russkoj klassičeskoj i neklassičeskoj liriki. Moskva : Ros. gos. gumanit. un-t, 2008b. S. 207–214.

5. Brojtman S. N. Simvol = Symbol // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij / pod red. N. D. Tamarchenko. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj : Intrada, 2008 c. S. 226–227.

6. Veselovskij A. I. Istoričeskaja pojetika = Historical poetics / red., vstupit. st. i primech. V. M. Zhirmunskogo. Izd. 3-e. Moskva : Izd-vo LKI, 2008. 648 s.

7. Kozlov V. «Karaul v golovah» «rajonno go skal'da»: jevoljucija poezii Denisa Novikova = «Screaming in the heads» of a «district scald»: The evolution of Denis Novikov's poetry // Prosōdia. 2017. № 7. S. 9–21.

8. Kravcov K. Zaostrit'sja ostrej smerti = Sharpening sharper than death // Novikov D. G. Reka – oblaka. Moskva : Vojmega, 2018. S. 3–12.

9. Kravcov K. Zaostrit'sja ostrej smerti. Zametki o Denise Novikove. Chast' IV = Sharpening sharper than death. Notes on Denis Novikov. Part IV // Literatura. URL: <http://literatura.org/868-konstantin-kravcov-zaostritsya-ostrej-smerti-chast-iv.html> (data obrashhenija: 14.07.2022).

10. Mandel'shtam O. Je. Sobranie stihotvorenij 1906–1937 = Collection of poems 1906–1937 / sost. O. A. Lekmanova, M. A. Amelina; predisl. O. A. Lekmanova; komment. i bibliogr. O. A. Lekmanova, E. A. Gluhovskoj, A. A. Chaban. Moskva : Rutenija, 2017. 560 s.

11. Novikov D. Viza. = Visa. Moskva : Vojmega, 2007. 256 s.

12. Semina A. A. Georgij Ivanov i russkie poety vtoroj poloviny XX veka (S. Chudakov, I. Melamed, D. Novikov, B. Ryzhij). = Georgy Ivanov and Russian poets of the second half of the 20th century (S. Chudakov, I. Melamed, D. Novikov, B. Ryzhyi). Moskva, 2018. 257 s.

13. Semina A. A. Pojet na perelome jepoh: semantika zaglavij prizhiznennyh knig Denisa Novikova = The poet at the turn of epochs: semantics of the titles in Denis

Novikov's lifetime books // Gumanitarnye issledovanija. 2018. № 3 (20). S. 112–115.

14. Skvorcov A. Je. «...Nepopuljarnyj, no istinnyj dar». O poezii Denisa Novikova = «...Unpopular, but a genuine gift.» On the poetry of Denis Novikov // Skvorcov A. Je. Pojetičeskaja genealogija: Issledovanija, stat'i, zametki, jesse i kritika. Moskva : OGI, 2015. S. 426–435.

15. Stepanov E. Denis Novikov, «Viza». = Denis Novikov. «Visa». Moskva : «Vojmega», 2007 // Deti Ra. 2008. № 1 (39). URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=400> (data obrashhenija: 14.07.2022).

16. Temirshina O. R. Simvolistskie universalii i pojetika simvola v sovremennoj poezii: Sluchaj B. Grebenshchikova. = Symbolist universals and the poetics of the symbol in modern poetry: The Case of B. Grebenshchikov. Moskva : Izdatel'stvo MNJePU, 2009. 180 s.

17. Temirshina O. R. Tipologija simvolizma: Andrej Belyj i sovremennaja poezija = Typology of symbolism: Andrei Bely and modern poetry : monografija. Moskva : IMPJe im. A. S. Griboedova, 2012. 290 s.

18. Temirshina O. R. Tradicija simvolizma v sovremennoj poezii: sluchaj K. Kedrova = The symbolist tradition in modern poetry: the case of K. Kedrov // Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo sotrudničestva v gumanitarnoj i social'noj sfere : materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (Moskva – Penza, 29–30 oktjabrja 2021 g.) / otv. red. D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova. Moskva – Penza, 2021. S. 116–122.

19. Temirshina O. R., Avilova E. R. Simvolistskij kod v poezii D. Revjakina: anagramma kak sposob semantičeskoj organizacii = The symbolist code in D. Revyakin's poetry: anagram as a way of semantic organization // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie. 2009. № 1(2). S. 18–20.

20. Falikov I. Gradu, miru, komu-to eshhe = To the city, to the world, to someone else // Znamja. 2008. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/2/fa17.html> (data obrashhenija: 14.07.2022).

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 15.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.